

В. Г. Белинский

Современник. Том десятый

Виссарион Григорьевич Белинский

Современник. Том десятый

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828655*

Аннотация

«По смерти своего основателя «Современник» изменился во внешнем плане. К числу перемен относится помещение стихотворений отдельно от прозы, под особою нумерациею страниц. Не думая нисколько вмешиваться в домашние распоряжения чужого и притом высоко уважаемого нами журнала, мы все-таки скажем, что такое распоряжение, при нынешнем состоянии стихотворства, не может быть выгодно ни для какого журнала...»

Содержание

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский

Современник. Том десятый

СОВРЕМЕННОК. ТОМ ДЕСЯТЫЙ. Санкт-Петербург. 1838. В типографии А. Воейкова и комп. 76, 88, 190. (8).

По смерти своего основателя «Современник» изменился во внешнем плане. К числу перемен относится помещение стихотворений отдельно от прозы, под особою нумерациею страниц^[1]. Не думая нисколько вмешиваться в домашние распоряжения чужого и притом высоко уважаемого нами журнала, мы все-таки скажем, что такое распоряжение, при нынешнем состоянии стихотворства, не может быть выгодно ни для какого журнала. А между тем оно сделано тремя журналами^[2]. Но какие ж были следствия этого распоряжения? Обязавшись, так сказать, представлять публике в каждой книжке целое отделение стихотворений, журналист наполняет это отделение чем случится и даже не может сделать оговорки: «Просим не взыскать – чем богаты, тем и рады». Строчки с рифмами смело выдаются за поэзию; условие подписки выполнено, потому что счет листов верен, – а прочее сойдет с рук.

Во 2 № «Современника», кроме двух произведений Пуш-

кина можно заметить только одно, подписанное знакомыми публике буквами – «Г-ня Е. Р-на»;^[3] обо всех остальных было бы слишком невеликодушно со стороны рецензента даже и упоминать.

«Сцена из Бориса Годунова» написана разноstopными стихами и рифмами и этим резко отделяется от всего «Бориса Годунова», писанного пятиstopным ямбом без рифм. В ней виден Пушкин, как и во всем, что ни вышло из-под его творческого пера; но потому ли, что мы в нее еще не вникнули, или потому, что это в самом деле так, только мы готовы думать, что великий художник не без основания исключил ее из «Бориса Годунова». Но, во всяком случае, помещением ее издатель выполнил свой долг перед публикою, и благодарность ему за это!^[4] В «Сыне отечества» говорят о существовании другой сцены, выключенной Пушкиным из его трагедии, сцены, где Бориса упрашивают принять венец: «Современник» должен решить нам, затеряна она или сохранена^[5]. Другое стихотворение Пушкина, помещенное в этой книжке, есть лирическое – «К женщине-поэту»^[6] – вот оно:

Я слушал вас... Я прочитал
Сии небрежные создания,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.

Я пил отраву в вашем взоре,
В исполненных души чертах,

И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах.

Соперницы заветной розы
Блажен бессмертный идеал!
Стократ блажен, кто ей внушал
Единый стих и много прозы.

Есть что-то лелеющее чувство, какая-то дивная, таинственная гармония в этом стихотворении, гармония, состоящая не в подборе звуков, не в гладкости стиха, но во внутренней, сокровенной жизни, которую оно дышит. И какая простота!..

Хороших статей в прозе и теперь в «Современнике» больше, чем посредственных; о последних мы умолчим^[7], а о первых поговорим.

«Перемещение университета в Санкт-Петербурге» – интересная в фактическом отношении и хорошо изложенная статья. «Князь Потемкин-Таврический», отрывок из V части «Истории России» г-жи Ишимовой, представляет собою статью, которая по прелести и искусству изложения может служить украшением всякому журналу. «Государства Скандинавского севера» и «Папа Григорий VII и император Генрих IV» – два отрывка из нового исторического труда г. Шульгина возбуждают живой интерес и желание прочесть сочинение вполне.

Но самые интересные статьи во второй книжке «Совре-

менника», это – «Александр Сергеевич Пушкин» и «Хроника русского в Париже». Первая содержит в себе несколько драгоценных фактов о жизни и характере великого нашего поэта и отличается многими светлыми взглядами на его произведения. Статью эту можно назвать взглядом на жизнь нашего поэта^[8]. «Хроника русского в Париже» по-прежнему отличается калейдоскопической занимательностью. Остановимся на ней, чтобы позабавиться вертлявою и суетливою деятельностью французов^[9].

Уж старая новость, что Кине написал плохую, напыщенную поэму, в которой фальшивым голосом воспел Наполеона: ^[10] поэма давно забыта везде, а во Франции, как водится, прежде, нежели где-нибудь. И вот Кине написал трилогию или драму «Прометей». То-то должен быть славный пузырь, если только не лопнул до печати!^[11] и он читал ее на вечере, где в числе слушателей были Шатобриан и Ампер. Первый находит излишнюю роскошь в *описательных* формах и уподоблениях; второй думает, что поэма была бы вдвое лучше, если б была вдвое меньше: истинно *французская* критика, лучше которой для *французского* поэтического произведения ничего не может быть!

Жерюзе открыл курс о французской словесности в начале XVII столетия. Он начнет Ронсаром и продолжит до Корнеля. Кажется, что бы много говорить о *Ронсарах*; но француз за словом в карман не полезет, если дело идет о болтовне. Впрочем, ученый профессор охотно прочел бы и больше, да

больше он ничего не знает, как сам откровенно признается в этом по свойственной всем великим людям скромности. «Здесьняя академическая молодежь, – говорит автор «Хроники», – привыкла со всех кафедр философского факультета слышать одни отрывки, одни части науки; так, например, Ленорман, вместо Гизо, читает только о финикиянах, Ампер ограничил себя несколькими столетиями средней истории, Жерюзе полувеком французской литературы; сам Фориэль избрал для этого курса одну Испанию». Это во Франции называется – *преподаванием наук!* И то сказать: у всякого народа свой взгляд на вещи; китайцы еще смешнее всё понимают.

Берье дал свое имя одной толстой книге: в книге нет ни строчки его, а она разошлась^[12]. Именами теперь во Франции промышляют все знаменитости – Карл Нодье особенно. «Недавно в академии зашел между ним и Жуй спор о разных записках. Жуй начал хулить записки д'Абрантес, а Нодье, защищая их слегка, сказал: первый том, например, очень хорошо написан. – Верю, – отвечал Жуй, – потому что вы его писали. – Нодье замолчал».

Но вот верх смешного: Марк Жирарден открыл в Сорбонне литературный курс, содержанием которого будет – «Эмиль» Руссо. Но не здесь конец смешного: не угодно ли послушать начало вступительной лекции великого профессора?

Это («Эмиль») нравоучительное исследование

вопроса: как воспитать человека? Какому правилу надо следовать в жизни? Этому правила, этого рода изучения недостает особенно в наше время. Наши нравы смягчены; но занимается ли кто-нибудь правилами нравов? В старину было не так. Тогда даже и придворные Людовика XIV, даже Сен-Симон посвящали дни, недели размышлению. Он уединялся. Даже языческие времена имели что-то подобное в нравах и обычаях. Тогда, равным образом, близ общенародных мест, я вижу философов, лицей!.. рассуждают о нравов. То же самое и в Риме, в этом обширном горниле честолюбия, где замыслили о владычестве над вселенною. Это было не честолюбие нашего времени, когда дело идет о префектуре или даже и о портфеле; нет, тогда замыслы были обширнее; проконсульство в Греции, в Африке, в целой части света!.. И в такую эпоху является Цицерон, который пишет книгу «О должностях»; а при императорах Эпиктет с своими «Наставлениями», которыми искупаются все беспорядки Рима. Там всегда заметно было движение, нравственный мир, от которого мир перерождался, но где он теперь? Что с ним сделалось? Пишет ли он? Двигает ли он нас? Спросим самих себя: что мы должны делать? Поступать отчетливо, поучаться, размышлять. Где вы это встретите? Нравственный мир затмился от мира вещественного, который дошел также до какого-то величия. Он поучает, он хочет приводить в восторг; этот вещественный мир уже в величии! Англия... вот его престол, его святилище! Это

Лувр промышленности! Все в чудном там движении; ничто не говорит там, а все трудится; это машина, род циклопа, который все приводит в движение. Бедность рабочего класса: в этом также величие (?). А железные дороги! Что подобного в состоянии изобрести и сам сатана? Пространство уничтожено: вы сейчас будете в Берлине на лекции Ганца. Парижский дурак может съездить потолковать с петербургским дураком. Гражданственность совершенствуется ли от этого? Увеличилось ли число идей от чудес промышленности? Или только ускорили они движение их?¹{²³} Что произвело сближение этих двух отдаленных точек? Спрашивается, что сообщают? Пусть бы идеи. Но если от них мир не становится лучше? А в чем улучшение? Есть и теперь довольные, то есть которые умеют довольствоваться, но нет более счастливых (?!!). Довольство зависит от нас самих, как мы образовали душу свою. Жизнь зависит от сердца. Вопрос о воспитании: вот и все. Но под воспитанием многое разумеется: оно не оканчивается с детством. Всю

¹ Да в том-то и дело: ускорить значит *умножить, сообщать* во тьме неведения находящимся – мудрость Жирардена и Лерминье, а иногда и Монтескье, и Бентама. Без почты иль без курьера, узнали ль бы вы через месяц, что Жирарден бредил в Сорбонне, или что другой мыслил вслух за океаном. – *Примечание автора «Хроники»*^{²³}.

^{²³} Цитируя текст лекции М. Жирардена, А. И. Тургенев в нескольких случаях сопровождал его своими замечаниями в скобках. Одно из них Белинский частично воспроизвел в подстрочной сноске, причем славянский оборот «во тьме и сени смертной сидящим» заменил русским: «во тьме неведения находящимся».

жизнь душа может расширяться, а ум возноситься.
Исполнение долга – вот цель^[13].

Вранье заключено было следующими словами: «Я верю в совершенствование, которое доведет до совершенства».

На другой день в «Journal des Debats» приятельская рука расхвалила вранье Жиардена в силу следующей мысли: «Не будем требовать от века больше, нежели сколько он дать может».

Милостивые государи, да кто вас сделал представителями века?

Если бы все это касалось не до Парижа, то мы, право, готовы б были подумать, что остроумный автор «Хроники» мистифирует нас.

Здесь юристы, кроме Росси, сухи, как их наука, не оживляемая философией права. Один из лучших юристов Франции, адвокат, ныне президент камеры, Дюпен, запоздалый в науке правоведения от обширной практики в почтенном ремесле своем, насмеялся над Журданом, собратом своим au bureau francais², за то, что он советовался с наукою прав у англичан и немцев. Журдана не стало: ученый юридический журнал его прекратился, и французские юристы должны снова слепо верить бредням Лерминье о немецких юристах-профессорах, о Ганцах, Савиньи и пр.

Вот по анекдоту о трех корифеях французской литерату-

² во французском суде (франц.). – Ред.

ры.

Когда еще, по пророческому выражению Сальванди, на бале у герцога Орлеанского, «dansait sur un volcan»³, герцогиня Беррийская просила Roger сделать публичное заседание dans la societe des belles-lettres⁴ и пригласить короля неаполитанского, отца ее. Roger, желая угодить ей, предложил немедленно Жюсье, одному из умнейших членов общества, приготовить статью в прозе, а Ламартину стихи. Первый соглашался охотно, Ламартин начисто отказал ему. Сперва отговаривался он, что у него нет ничего нового в портфеле. Но когда Roger напомнил ему, что его гармонии печатаются, что он может взять из них любую пьесу и потешить герцогиню Беррийскую и отца ее, то он снова отвечал ему: «Je ne veux pas perdre Famitie de mes amis Jes marchands de vin de Macon⁵. Если они узнают, что я пишу и читаю стихи для двора, то разлюбят меня, а я хочу быть депутатом; я должен непременно быть депутатом». И в самом деле, по удалении старшей линии Бурбонов, Ламартин поехал на Восток и, возвратившись, занял место в камере. Маконцы о нем вспомнили.

Жюль Жанен, в статье «Дебатов», недавно упомянув о Каннах, где высадился Наполеон, сказал, что это место

³ «танцевали на вулкане» (франц.). – Ред.

⁴ в обществе изящной литературы (франц.). – Ред.

⁵ Я не хочу потерять дружбу моих друзей – виноторговцев из Макона (франц.). – Ред.

прославлено и тем, что здесь Аннибал разбил римлян! Кто-то из приятелей Жанена указал ему ошибку его. «Vraiment, j'ai confondu cela! C'est drôle!»⁶ – отвечал он.

La reprise d'«Hernani»⁷ удалась теми же средствами, как и первые представления оной. Один из приближенных к театральной дирекции, исчислив все места в ложах, в партере, в галереях, в оркестре, выданные с распоряжения автора, полагает, что Гюго роздал приятелям и приятельским сотрудникам в хлопанье до 800 билетов. Вот как здесь многим удастся!

Говоря о громкой фразе, устремленной Кузеном на пэров, автор так говорит о нем самом:

С 1830 года переводчик Платона сделался искателем фортуны, то есть власти и почестей, и перестал поучать нас с сорбоннской кафедры, ораторствуя в камере пэров. Эти упреки в бездействии, в политическом ничтожестве не показывают чистого желания блага отечеству, но заставляют подозревать какую-то скрытую досаду за собственное политическое бездействие, на которое осуждены теперь пэры Франции.

Мы, с своей стороны, не вмешиваясь в политику, которая нас очень мало интересуется и в которой мы очень мало знаем, скажем от себя, что наука требует всего человека и что философ политик вместе, больше, нежели кто-нибудь, напоми-

⁶ «В самом деле, я тут напутал! Это забавно!» (франц.). – Ред.

⁷ Возобновление «Эрнани» (франц.). – Ред.

нает Матрену Крылова:

И сделалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона^[14].

Автор «Хроники» хвалит отрывок из сочинения Шатобриана о Веронском конгрессе.

В его слоге опять та же невыразимая прелесть, но в писателе опять то же неистощимое самохвальство. «En 1807 nous nous promenions au bord du Tage rians les jardins d'Aranjuez; Ferdinand parut a cheval, accompagne de don Carlos. Il ne se doutait guere rrue le pelerin de Terre-Sainte qui le regardait passer, contribuerait un jour a lui rendre la couronne⁸.

Автор «Хроники» видел в Париже знаменитого Брума и слышал его суждение о Кузене.

О Кузене говорил он после с приметною досадою, хвалил в нем талант писателя, но не признавал в нем ни оригинальности в философии, ни достаточной учености в самом эклектизме его. С Брумом надо согласиться, прочитавши в «Revue Francaise» отрывок Кузена из путешествия его по Германии, о немецкой философии и о философях. Если сравнивать этот

⁸ «В 1807 г. мы прогуливались по берегу Таго, в садах Арагжуэца; Фердинанд появился верхом в сопровождении дона Карлоса. Он вряд ли подозревал, что паломник из Святой земли, который смотрел на его проезд, впоследствии будет способствовать в возвращении ему короны» (*франц.*).

отрывок с другими отчетами французских ученых, как, например, Лерминье, Марка Жирардена и пр., то, конечно, должно признать превосходство Кузена в знании, хотя поверхностном, некоторых систем философии, в Германии возникших; но для профессора философии, для сорбоннского оратора, для академика, эти разговоры с Эйхгорном, Шлейермахером, Штейдлином, Бутервеком, Сольгером, Ансильоном, эти вопросы де Ветту о важнейших догматах религии и о высших началах философии так малозначительны, столь поверхностны, что можно бы сомневаться в подлинности подписи сочинителя, если бы, вместе с этими беглыми и неосновательными суждениями и пересказами со слов знаменитых ученых мыслителей Германии, в слоге Кузена не было истинного, блистательного таланта и если бы в самых мелочных отчетах, как, например, о беседе с Гете в Веймаре, не выражался отпечаток искусного писателя.

Прекрасна параллельная характеристика, которую автор «Хроники» делает Бруму и Дюпену:

Конечно, и в нем много неприличного важности сана и самой знаменитости его таланта; Брум иногда некстати острится; шутки его, часто колкие и меткие, не всегда во вкусе хорошего общества, но в душе его таится любовь к ближнему, любовь к массам: он всегда за них. В гражданском уложении французских колоний допускается рабство негров во всех его оттенках. Отпущенный на волю из негров сын может иметь отца

рабом своим, дочь – рабынею мать свою. В Бурбоне недавно (1836) совершен акт, в коем сказано: «Perpetuo Creole agee de 50 ans, esclave et mere de la demoiselle Zelia Forestier de St. Denis»⁹.

Таких актов множество совершается во французских колониях. Восставал ли против них демократ Дюпен, оракул здешней юстиции? Нет; ему не до того; он нападает на австрийских законодателей, на бедных проповедников евангелия. Но в той же статье, в которой публицист заклеил поношением французское колониальное законодательство, сказано по другому подобному случаю: «Deja lord Brougham a denonce celte nouvelle infamie an parlement d'Angleterre»¹⁰. Порывы, изливания души его переходят в закон, обращаются в факты, благодетельствуют миллионам; вздохи сердца, скорбящего о страждущем человечестве, перелетают океан, падая животворящею росой на братьев наших, черных и белых. Вот действия Брума и Дюпена законодателя, и вот еще пример для сравнения их с другой точки зрения. Уверяют, что Брум завидовал таланту Горнера, опасался потускннуть перед новым светилом, восходившим тогда на горизонте великобританской камеры; верю слабости человеческой в Бруме. Но Горнера, мнимого соперника его, не стало: кто же содействовал к сооружению ему памятника

⁹ «Перпетуя, креолка, пятидесяти лет от роду, рабыня и мать девицы Зелии Форестье из Сен-Дени» (франц.). – Ред.

¹⁰ Уже лорд Брум разоблачил в английском парламенте эту новую гнусность» (франц.). – Ред.

в Вестминстере? Брум. Кто написал ему панегирик, прослезивший его *милых ближних*? Брум. Дюпен завидовал таланту, глубоким сведениям молодого адвоката Журдана в юридической литературе Франции, Англии и Германии. Он при жизни Журдана кольнул его в предисловии своем к Домату. Журдан огорчился, а может быть, и пострадал от его колкости. Его не стало. Товарищи его, друзья, наука – пером юридических писателей и журналистов – его оплакали; Дюпен не подумал загладить своей несправедливости.

Не правда ли, что между англичанином и французом – большая разница? Если бы дело шло о разности силы гения или как о частном явлении, то нечего бы и говорить; но здесь разница происходит от различия субстанций двух народов. Англичан обыкновенно упрекают в холодности чувства, эгоизме; французов понимают, как энтузиастов, готовых тотчас принять участие в правом деле и пожертвовать за него собою. Полно, так ли это? Англичанин не любит фраз, но любит дело и принимается за него только тогда, когда видит возможность успеха; француз хватается за все, нашумит, испортит дело – и в сторону. Его самоотвержение выходит из самолюбия, из страсти блистать, удивлять, рисоваться. В одном московском листке когда-то было замечено, что покоренные французами народы ненавидят своих победителей, потому что последние, стремясь распространить у них цивилизацию и просвещение, не уважают их предрассудков; но что англичане тем самым ладят с индийцами, что хладно-

кровно смотрят, как жены сожигаются на кострах своих мужей. Так думать – значит не знать дела. Мы не говорим уже о том, что ни один народ в мире не прославился такою *филантропиею*, как англичане и, родные им, Американские Штаты; не говорим о их обществах трезвости, о деятельности их миссионеров, распространяющих по лицу земли благовестие спасения: в этом отношении защитникам французов ничего не остается, кроме скромного молчания. Но мы прямо скажем, что обвинять англичан в холодности в деле истребления религиозных предрассудков туземцев Индии – значит грубо ошибаться. Нет, англичане деятельно подкапываются под гигантское здание этих вековых предрассудков, но они знают, что трудно бороться с тем, что освящено веками и религиею, что за это надо приниматься исподволь, осторожно – и они идут к своей благотворной цели медленными, но верными шагами. Не таковы французы: где ни бывали их войска, везде возбуждали ненависть страны своим неуважением к обычаям и духу народному, наглым насилием тому и другому. Наш простой народ это очень хорошо помнит с 1812 года, когда святыня храмов московских была так святотатственно и так безумно оскорблена. Англичане приносят в покоренные ими страны идеи общественного порядка, законности, промышленности, просвещения; а французы навязывают им свои мечты о небывалой свободе, которая состоит в отрицании оснований и подпор общественного блага, в легкомысленном ниспровержении старого порядка, вышедшего из

векового развития, и заменении его на скорую руку состряпанными и эфемерными нововведениями. Чтобы дать народу или племени новый порядок, надо сперва спросить его: нужен ли ему этот порядок; чтобы избавить его от бедствий существующего у него порядка – надо сперва узнать, чувствует ли он эти бедствия. Французы об этом не заботятся и потому ненавидимы везде, куда ни являлись победителями, и никогда не удерживали своих завоеваний.

Перейдем к статье г. Губера «Взгляд на нынешнюю литературу Германии». Это статья интересная по содержанию, прекрасная по изложению; но некоторые мысли нам показались неверными.

Г-н Губер в Фаусте и Вагнере видит два противоположные типа: человека, стремящегося к живому наблюдению природы, и книжного труженика, сжатого в тесных пределах *древней* теории. Другими словами, по мнению г. Губера, Фауст – романтик, Вагнер – классик. Дерзко было бы, без глубокого и основательного изучения, в журнальной заметке и двумя словами, определить идею этих двух типов мирообъемлющего создания Гете; но ничуть не будет смело не согласиться с г. Губером и заметить, что гораздо ближе будет к истине видеть в Фаусте тип человека с глубокою и могучею субстанциею и мировым созерцанием в душе, а в Вагнере конечно-го, ограниченного читателя мертвой буквы^[15]. Со взглядом г. Губера на это великое творение Гете трудно было бы передать его.

Кстати: в «Сыне отечества» помещен большой отрывок из «Фауста», перевода г. Струговщикова. Этот отрывок возбуждает живейшее желание прочесть перевод вполне, если он кончен. Если же это только начало или опыт, то желательнее, чтобы г. Струговщиков не оставил своего труда без окончания^[16].

Прекрасно и верно характеризует г. Губер крикуна Менцеля и намекает на причину его успеха.

Увлекаясь жаждою политических переворотов, он ненавидел Гете, не как поэта, а как величавого представителя монархических начал. Юное поколение Германии, воспитанное среди общих тревог Западной Европы, без цели, без сознания, требовало нового поприща. Негодуя на тишину немецкого быта, молодая генерация искала себе опоры и предводителя. И в это мгновение доходит до нее хула озлобленного Менцеля. Неопытные, восторженные умы собираются под знамена смелого проповедника национального перерождения. Гетева слава мешает их собственной, и они с гневным усилием^[17], вместе с своим учителем, подрывают бессмертный памятник великого имени. Таким образом Менцель против воли сделался основателем новой школы. Время и опыт доказали ему ничтожность его прежних усилий, и теперь он с ужасом отступает от этой юной *Германии*, которая, с своей стороны, также не очень жалует основателя новой школы. Цель этой школы – изменение общества в самых основных его стихиях: все сочинения ее

устремлены к ниспровержению старого, освященного веками порядка.

Далее г. Губер отдает полную справедливость дарованиям, так несчастно направленным, этой школы.

Вот, говорит он, вот Берне, этот мученик своей несбыточной идеи! Для нее он пожертвовал спокойствием жизни, для нее ополчился жалом горьких насмешек. Любя Германию, он более всех страдает от раны, которую сам в ней углублял. Смерть недавно разрешила ему те неразгаданные тайны, которые были проклятием всей его жизни!

Да, эта юная Германия – великий и поучительный урок для юношества всех наций! Она лучше всего показывает, как бесплодны и ничтожны покушения индивидуальностей на участие в ходе миродержавных судеб^[18]. Конечно, общество живет, развивается, следовательно, изменяется, но через кого? – через гениев, избранников судьбы, которые производят благодетельные перевороты, часто сами того не зная, единственно удовлетворяя бессознательному стремлению своего духа. Кто выходит на сцену и говорит: «Я гений, я хочу изменить к лучшему общественные начала», – тот самозванец, который тотчас же и делается жертвою своего самозванства. Кто же, не понимая жестоких уроков опыта и сознавши свое бессилие перестроить действительность, живущую из самой себя, по непреложным и вечным законам разумной необходимости, будет тешить себя ребяческими выходками против

нее, тот не перейдет в потомство, но только заставит сказать о себе современников:

Ай моська! – знать, сильна,
Коль лает на слона!^[19]

Но мы не согласны со мнением г. Губера о Гейне: он слишком несправедлив к нему^[20]. В Гейне надо различать двух человек. Один – прозаический писатель с политическим направлением. Зараженный тлетворным духом новейшей литературной школы Франции, он занял у нее легкомыслие, поверхностность в суждении, бесстыдство, которое для острого словца искажает святую истину. Живя в Париже, он изливает свою желчь на то, что зимою бывает холодно, а летом жарко, что Китай в Азии, тогда как ему бы надобно быть в Европе, и на подобные несообразности сего несовершенного мира, который не хочет перевернуться вверх дном, поверивши мудрости г-на Гейне. Потом в Гейне надо видеть поэта с огромным дарованием, уже не болтуна-француза, но истинного немца-художника, которого лирические стихотворения отличаются непередаваемою простотою содержания и прелестью художественной формы^[21].

Далее г. Губер отзывается с похвалою о новых поэтах Германии – Уланде, Грюне (граф Ауэрсперг), Ленау (фон-Нимпш), Рюкертe, Шамиссо, Пфицере, Цедлице (авторе «Ночного смотря», переведенного Жуковским).

Несмотря на такие дарования, нынешняя немецкая литература представляет печальную картину; первая причина такого бедственного положения заключается в совершенном отсутствии централизации талантов; вторая в жалкой подражательности нынешней французской словесности. Не принимая на себя обязанности прорицателя, мы думаем, основываясь на некоторых достоверных приметах, что последняя причина скоро уничтожится; незначительность новой французской словесности не удовлетворит глубины и основательности немецкого ума, и потому влияние ее прекратится, как скоро Германия проснется, сознавая собственное свое достоинство.

С последнею причиною нельзя не согласиться; но первая, касательно отсутствия центральности талантов, едва ли справедлива. Этой центральности и прежде не было, а были Гете, Шиллер, Гофман, Жан-Поль, Гайдн, Моцарт, Бетховен и – сколько еще? Мы включаем и композиторов, потому что не одним же поэтам нужна центральность, если только она нужна им. Гений везде скажется. Во Франции есть центральность талантов – в Париже, а много ли гениев произвела она? Важны не внешние, а внутренние причины, заключающиеся в духе нации.

Удивляемся, что, говоря об ученой немецкой литературе настоящего времени, г. Губер ни одним словом не упомянул о новой ученой школе, которая образована Гегелем и теперь деятельно популяризирует философию своего вели-

кого учителя, прилагая ее ко всем отраслям знания^[22]. Маргейнеке, Гото, Гешель, Шульце, Штраус, Геннинг, Марбах, Ретшер, Бандер, Байер, Розенкранц, Ганс, Баур, Михелет (Michelet), которого у нас смешивают с французским болтуном Michelet, Флате, Магер, Шаллер, Ферстер, Бауман, Эрдманн и другие – все эти люди стоили бы упоминования.

Во всяком случае, мы с удовольствием прочли статью г. Губера.

После нее нам остается только упомянуть о переводной (с английского) статье «Жан-Поль», которая читается не без интереса, и тем заключить наш разбор *второй* книжки «Современника» за нынешний год.

Комментарии

1.

В «Современнике» 1836–1837 гг. стихи и проза чередовались, нумерация страниц была общей. С 1838 г. материалы распределялись по разделам, а общей нумерацией объединялось несколько разделов. В т. X третьей нумерацией объединены разделы «Русская история», «История средних веков», «История литературы», «Повести и рассказы», «Стихотворения».

2.

Кроме «Современника», отдел «Стихотворения» существовал в это время в «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества» и «Московском наблюдателе».

3.

Стихотворение графини Е. Ростопчиной «Новый год».

4.

Имеется в виду сцена из «Бориса Годунова» («Замок воеводы Мнишка в Самборе...»); в подстрочном примечании говорилось: «Эта сцена, не помещенная автором, когда он печатал «Бориса Годунова», предшествует разговору Мнишка с Вишневецким на балу в Самборе. Она придает новые черты характеру Марины и служит как бы пояснением некоторых слов ее, сказанных Самозванцу у

фонтана».

5.

Речь идет о сцене «Девичье поле. Новодевичий монастырь. Народ», которая впервые была напечатана в 1839 г. в «Современнике», т. XIII (см. о ней наст. т., с. 593, прим. 10 к первому обзору «Русские журналы»). Об этой сцене Н. Полевой писал в «Сыне отечества» (1838, № 7, отд. «Критика», с. 61): «Мы слышали от самого Пушкина сцену народную, изображающую то время, когда Бориса уговаривают принять царство. Сцена эта была превосходна. Неужели поэт истребил ее потом?»

6.

«К женщине-поэту» – другая редакция стихотворения Пушкина «К. А. Тимашевой», первоначально опубликованного в альманахе «Радуга» на 1830 г. и вошедшего в последующие издания стихотворений поэта.

7.

Белинский «умолчал», в частности, об отделе «Разбор новых книг», отзыв о котором он дал в рецензии на XI и XII тома «Современника» (см. наст. т., с. 380 и прим. 2 к этой рецензии).

8.

Опубликована без подписи; написана издателем-редактором журнала П. А. Плетневым.

9.

Аналогичное отношение к «Хронике русского в Париже» А. И. Тургенева Белинский высказал при характеристике IX тома «Современника» в «Литературной хронике» (см. наст. т., с. 292–295).

10.

Поэма Э. Кине – «Наполеон» (Париж, 1836).

11.

В «Хронике русского в Париже» под датой 2 декабря/20 ноября 1837 г. сообщалось, что драма «Прометей» выйдет из печати «недель через шесть»; она вышла в начале 1838 г.

12.

Об этом Тургенев писал: «Берье дал свое имя толстой книге, изданной молодым Лабори, под названием «Хрестоматия французских ораторов». На переплете видите: par Berrye, а его нет ни предисловия, ни одного слова! Но и за одно имя получил он несколько тысяч франков».

13.

В последующих цитатах из «Хроники русского в Париже»

незначительные неточности.

14.

Цитируется басня Крылова «Ворона».

15.

Трактуя Вагнера как любителя буквы, сухого педанта-ученого, оторванного от жизни, Белинский неоднократно использовал этот образ (в таком его понимании) для характеристики представителей реакционной науки, в частности С. П. Шевырева, – см. письма Белинского к Д. П. Иванову от 7 августа 1837 г., И. И. Панаеву от 10 августа 1838 г., М. А. Бакунину от 14 августа 1838 г., В. П. Боткину от 8 февраля 1843 г. Острополемическую характеристику «вагнеровского направления» в русской исторической науке, представленную славянофилами и защитниками идей «официальной народности», Белинский дал в 1845 г. в статье «Славянский сборник» Н. В. Савельева-Ростиславича» (см. наст. изд., т. 7).

16.

В «Сыне отечества» (1838, № 5, отд. I, с. 7–16) опубликован в переводе А. Струговщикова «Отрывок из «Фауста» Гете. Сцена условий (студентская комната)». Переводы Струговщикова отдельных сцен из «Фауста» печатались в 1840-х гг. в журналах и альманахах. Перевод всей первой

части «Фауста» опубликован в «Современнике», 1856, № 10; в этом же году эта часть вышла отдельным изданием.

17.

В цитируемом тексте: «с гневным усердием».

18.

«Молодая Германия» («Junges Deutschland») – литературное течение, возникшее в начале 1830-х гг. и объединявшее прогрессивно настроенных писателей и журналистов. Родоначальник течения – Л. Берне, руководители – Л. Винбарг, К. Гуцков, Г. Лаубе, Т. Мундт и др. Близко стоял к «Молодой Германии» Г. Гейне. В 1835 г. общенемецкий Союзный сейм вынес постановление, запрещающее все сочинения Гейне и литераторов из группы «Молодой Германии».

19.

Неточно цитируется басня Крылова «Слон и Моська».

20.

Губер писал о Гейне: «Вот и Гейне, с его ужасной иронией, с его ядовитым юмором!.. Гейне не признает святыни; для него нет религии; между тем он облекает свои ужасные мысли в такую соблазнительную одежду, он говорит с таким простодушием, что вы забудетесь над сладким ядом его

поэзии».

21.

Если в пору «Московского наблюдателя» Белинский разделял Гейне-поэта и Гейне-политика (высоко ценя первого и порицая второго), то позже он воспринимал творчество Гейне в единстве двух планов – художественного и общественного (гражданского). Белинский писал В. П. Боткину о Гейне 16 января 1841 г.: «Он весь отдался идее достоинства личности, и не удивительно, что видит во Франции цвет человечества... Гейне – это немецкий француз – именно то, что для Германии теперь всего нужнее».

22.

Белинский называет в числе последователей Гегеля философов, популяризовавших его учение, – историков, богословов, юристов, поэтов, историков и теоретиков литературы, эстетиков.

23.

Цитируя текст лекции М. Жиардена, А. И. Тургенев в нескольких случаях сопроводил его своими замечаниями в скобках. Одно из них Белинский частично воспроизвел в подстрочной сноске, причем славянский оборот «во тьме и сени смертной сидящим» заменил русским: «во тьме

неведения находящимся».